

Вырезка из газеты

ВЕЧЕРНИЙ
ЛЕНИНГРАД

г. Ленинград

22 АВГ 1979

ЭТОМУ заголовку не требуются кавычки. Речь идет о жанрах речевой эстрады, между собой настолько близких, что они и впрямь схожи с братом и сестрой. Линий раз это подтверждают артисты Ленконцерта Галина и Евгений Барковы. Совсем недавно они вынесли на суд зрителей новую работу — эксцентрическое представление «Брат юмор и его сестра сатира».

Ярко и приподнято начинается представление. Марш, звучащий сначала приглушенно, набирает громкость, азарт. Занавес, подымаясь, открывает задник, окаймленный подвижной гирляндой огней. На заднике изображен амфитеатр, заполненный множеством лиц — улыбающихся, смеющихся, хохочущих. И вот появляются артисты... Как же будет реагировать зрительный зал: не тот, что за спиной артистов, а дополнительный, находящийся перед ними — пока еще безмолвный, даже чуть настороженный.

Брат юмор и его сестра сатира! Зритель не слишком избалован встречей с представителями этих жанров. Напротив, в соотношении с номерами вокальными и танцевальными, с программой вокально-инструментальных ансамблей, с так называемыми оригинальными номерами артисты юмористического и сатирического плана занимают куда более скромное место. Впрочем, дело не в арифметических подсчетах. Важнее взглянуть в то, что несет с собой новая работа Барковых.

Двое на эстраде. Весь вечер. В течение двух отделений. На протяжении свыше двадцати миниатюр, посвященных самым различным образам, характерам, ситуациям. Только двое. Но, конечно же, многие внесли свой творческий труд в создание рецензируемого представления.

Интересное решение — лаконичное и острое — нашел постановщик заслуженный артист РСФСР Д. Тимофеев. Талантливы вклад композитора М. Мееровича, художника М. Смирнова, художника по свету И. Буслаева. В этом же ряду должна быть названа целая плеяда эстрадных драматургов — М. Жванецкого и Л. Тучинского. И Ярославцева и Л. Измайлова, В. Синакевича и В. Скворцова, М. Городиского, А. Курляндского, А. Хайта, В. Голявкина, М. Дымова... Многие внесли свой вклад, но по закону тут же задать вопрос: не помещала ли такая множественность осуществлению единого представления, признанного единым устремлением, единой ведущей мыслью? Удалось ли

избежать традиционной концертной программы с ее условной «склейкой» номеров?

Думаю, что удалось. Как бы подчиняясь начальным ритмам марша, действие разворачивается в стремительном, пружинистом темпе, на одном дыхании, в непрерывной череде самых неожиданных и психологических, и гротесковых, и даже буффонных ракурсов. Исполнители радуют выразительной пластикой, тонкой культурой речи, тем чувством меры, без которого легко пасть в наигрыш. В тот соблазнительный «жим», что будто и обеспечивает успех, но лишь минутный. Здесь уместно напомнить, что, окончив в свое время Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии, Барковы до прихода на эстраду прошли хорошую сценическую школу: Евгений — в Академическом театре драмы имени А. С. Пушкина, Галина — в Театре имени Ленинского комсомола.

И все же не эти предпосылки решают участь представления. Удача артистов прежде всего в четкости гражданской позиции, в понимании неотрывности своего искусства от того здорового критического начала, что является движущей силой советского образа жизни. Все чаще по ходу действия в зрительном зале возникает смех, и он закономерен. Как, например, удержаться от смеха, когда в спенке «Непредвзятое мнение» встречаются некий маститый профессор и молодая ученица дама. В двух планах разворачивается их беседа: вслух говорят одно, думают про себя другое. Разительное разночтение. И постепенно смех в зале меняет свою окраску — все отчетливее в нем презрение и осуждение.

И вот уже играет миниатюра «Встреча однокашников». Много лег не выдвигая трогательно непосредственная Таня и ее бывший товарищ по учебе, успевший продвигаться на должностной дороге. Никак не может взять он в толк, что заставило Таню искать эту встречу. Может быть, устроить отдельный телефон вместо блокированного? Или дачу? С да-

чей сложнее, но готов попробовать! Нет, в зрительном зале больше не смеются, четко сопереживают горькому разочарованию Тани. Надо же, простыс человеческие чувства утерять чинуша!

От миниатюры к миниатюре все многокрасочнее гамма изображаемого артефакта. Коротка, немногословна, но по-своему берет за сердце миниатюра «Старт и финиш». Взахлеб, перебивая друг друга, уминаются двое достигнутыми благами: дача, машина, дача с верандой, машина с гаражом, ставка, две ставки, совместительство, премиальные и так далее, так далее. А затем остановившийся взгляд и потусторонний разговор. Будто и дальше все превосходно: памят-

И вот тут-то — в громком одобрении зала — окончательно стирается грань между зрителями и исполнителями, и взаимопонимание становится настолько прямым и доверительным, что артисты, отбросив сценические маски, могут непосредственно от своего лица продолжить разговор.

Неоспоримое достоинство эстрады — в многообразии ее искусства. Чем шире палитра эстрадных средств и возможностей, тем более заинтересован зритель. И все же, думается, порой мы довольствуемся меньшим, и прежде всего в жанре речевой эстрады, способной максимально активизировать зрителя, вести с ним умный и глубокий разговор, разговор на равных, отвечающий высокому душевному настрою советского человека. Именно в этом принципиальное значение новой работы Галины и Евгения Барковых.

Насыщая свое искусство юмором и сатирой, они вместе с тем ничуть не чураются публицистических красок. И это правильно. Публицистика, если она идет от сердца к сердцу, всегда звучит в лучшем смысле слова злободневно, откликается на самые сокровенные мысли и чувства. Именно в этом ключе звучит диалог о молодости — не о той, которую вспоминаешь со вздохом, а об остающейся неизменно с тобой, если ты привержен кипучей жизни. Таков и монолог о труде, о красоте труда, о труде настоящем и мнимом и о том, что настоящий созидательный труд всегда орошает лукавую показуху. И, наконец, это разговор о мире — самом святом и дорогим для советского человека.

Означает ли все это, что представлению «Брат юмор и его сестра сатира» не могут быть адресованы замечания? В работе, только еще начинающей свой путь, не все еще одинаково равноценно: иногда хотелось бы более строгого отбора, отказа от легковесной развлекательности. Не очень обязательной, скажем, кажется сценка в зоопарке, где клоунада (к тому же подчеркнутая рыжими нарядками) доведена до абсурда. К счастью, подобных проходных миниатюр мало, и не они определяют общее впечатление.

В последний раз, вплотную подойдя к рамке, выглядят Галина и Евгений Барковы в зрительный зал. Настал момент прощания, и оно не формально: в ходе представления успела закрепиться дружба.

Можно с уверенностью сказать, что Ленконцерт обогатил свой творческий багаж интересной работой.

А. БАРТЭН

БРАТ ЮМОР И СЕСТРА САТИРА

ник дорогой на холмике, буквы золоченые на памятнике. Но если бы возможно было вернуться в жизнь, начать ее сначала, по-другому. Миниатюра звучит острым обличением алчности и стяжательства, духовной нищеты, обывательского обогащения. И на этот раз зал замирает в напряженном молчании. Нет, не только смеяться умеет зритель, но и размышлять, разделять тревогу, осуждение.

В иной, еще более наступательной тональности построена серия миниатюр, открывающих второе отделение. Здесь двое персонажей: начальственное лицо, самолюбивое до одурения, живущее — точнее сказать: существующее! — по «законам» безделья, пустозвонства и перестраховки, и рядом молодая, жизнелюбивая, неизменно энергичная Сидорова. Жизнь для нее измеряется прежде всего трудовыми результатами, и Сидорова упрямо повторяет: «Надо влезать!». Все конфликтнее отношения между ней и начальником, и все определеннее симпатии зрителей на стороне Сидоровой. И вот, еще раз войдя в кабинет своего шефа, она просит уделить ей время. «Я занят. Впрочем, если уложитесь в минуту...» И неожиданный ответ: «Если вам хватит минуты, чтобы сдать дела, — тем лучше!». Сидорова получила назначение, пришла занять законное место.